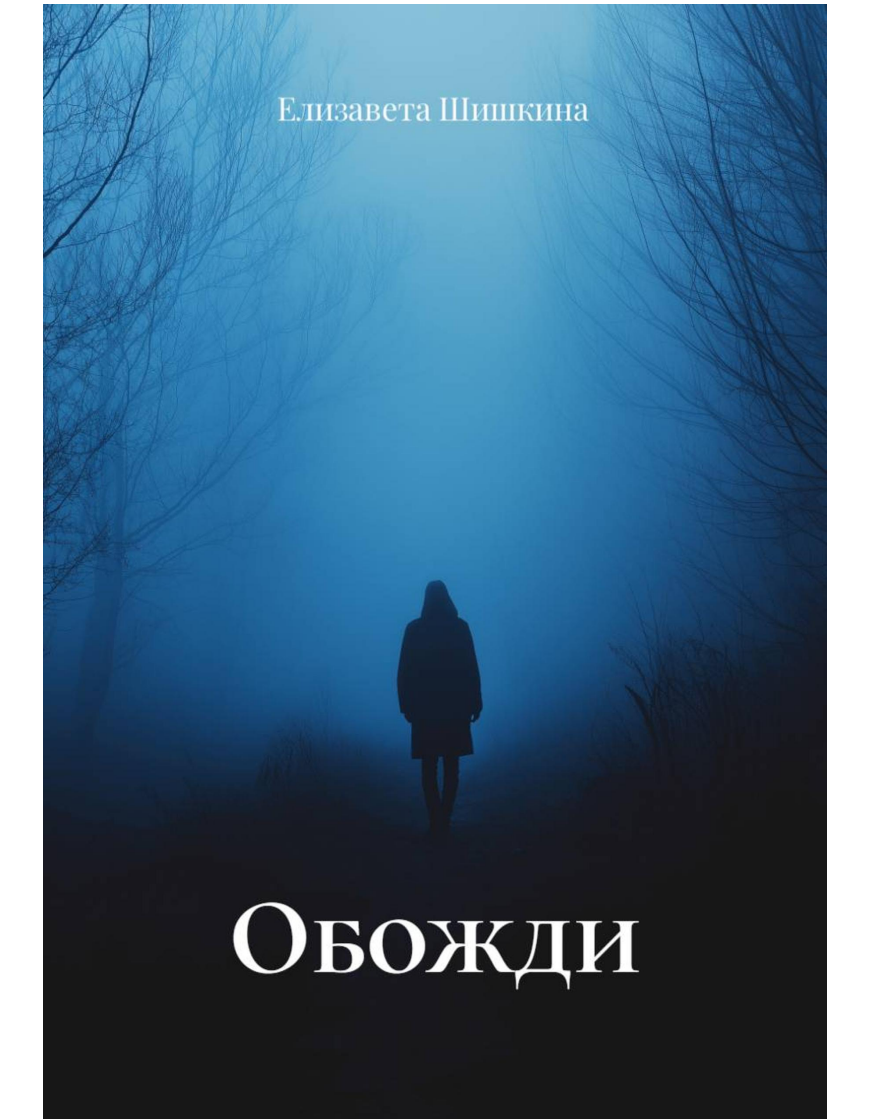

A person in a dark coat is walking away from the viewer down a path in a forest. The scene is bathed in a deep blue light, with mist or fog filling the air. Bare tree branches frame the top and sides of the image, creating a sense of enclosure and mystery.

Елизавета Шишкина

ОБОЖДИ

Елизавета Шишкина

Обожди

<https://litres.ru/74298947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Леса помнят всё. Даже то, что вы забыли.

В глухой деревне, где люди живут по древним законам, происходит необъяснимое: люди уходят в лес и не возвращаются. А те, кто возвращается — приходят совсем другими.

Ярина — последняя из рода ведуний. Её мать ушла в лес и не вернулась. Её бабка тоже. Теперь настала её очередь — хранить границу между миром живых и тёмной памятью леса.

Но когда в деревне начинают находить мёртвых с белыми глазами, а дети видят то, чего не видят взрослые, Ярина понимает: старая дверь открылась. И за ней — не зло, а древняя сущность, которая питается человеческой болью.

У неё есть только один союзник — Зоран, охотник, который любит её молча и преданно. Но когда лес забирает его, Ярина должна выбрать: отдать себя, чтобы спасти любимого, или потерять всё.

«Обожди» — это история о памяти, которая не умирает. О любви, которая сильнее страха. И о двери, которую нельзя открывать.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Елизавета Шишкина

Обожди

Глава

Пролог

«Обожди»

Было лето. Жаркое, сухое, когда земля трескается, а лес стоит тихо, как будто боится дышать. В тот год деревня не знала бед. Урожай обещал быть добрым, скотина не болела, бабы рожали легко. Старые говорили: «Боги к нам повернулись». Молодые смеялись и ходили в лес за ягодами, не боясь ничего.

Знали бы они.

Марена была самой младшей в роду ведуний. Ей только минуло семнадцать, но мать уже учила её говорить с ветром, слышать воду, видеть следы, которые не оставляет ни зверь, ни человек. Марена была тихой, тонкой, как березка, и глаза у неё были тёмные, глубокие — такие, в которых утопаешь, как в колодце.

В ту ночь она не спала. Ей приснился сон — не страшный, а странный. Будто она стоит на опушке, а из леса выходит женщина. Высокая, босая, в белом, с длинными руками, ко-

которые свисают почти до земли. Лица не видно — только темнота под капюшоном.

— Ты меня звала? — спросила женщина.

Марена хотела ответить «нет», но язык не слушался. Вместо этого она сказала:

— Обожди.

И проснулась.

Она лежала на лавке, глядя в потолок, и чувствовала, как сердце колотится о рёбра. За окном была ночь — тихая, тёплая, с полной луной. Деревня спала. Только где-то далеко, в лесу, кричала сова.

Марена встала. Она не знала, зачем. Ноги сами понесли её к двери, руки сами отодвинули засов. Она вышла босая, в одной сорочке, на холодную траву — и пошла.

К лесу.

Она помнила каждое мгновение этой дороги. Как трава щекотала ступни. Как лунный свет лежал на плечах серебром. Как сердце билось ровно, спокойно, будто знало, что её ждут.

На опушке стояла та самая женщина.

Марена остановилась в трёх шагах. Луна светила прямо на фигуру, но лица всё равно не было видно — только темнота, глубокая, как пропасть.

— Ты пришла, — сказала женщина. Голос у неё был как шуршание сухих листьев. — Я знала. Я всегда знаю.

— Кто ты? — спросила Марена.

Женщина не ответила. Она подняла руку — длинную, белую, с пальцами, которые казались слишком тонкими, слишком длинными — и коснулась щеки Марены. Холод был такой, что Марена вздрогнула.

— Я та, кого забыли, — сказала женщина. — Когда-то меня звали. Приносили дары. Шептали моё имя у огня. А потом перестали. Потому что испугались. Потому что решили, что я злая.

— Ты злая? — прошептала Марена.

Женщина наклонила голову. В темноте капюшона мелькнуло что-то белое — может, улыбка, может, глаза.

— Я не злая, — сказала она. — Я помню. А вы — нет. Вы забываете. Свои обещания. Свои слова. Свои вины. А я помню всё. Каждый грех. Каждое молчание. И когда вы забываете — я напоминаю.

Она убрала руку. Марена почувствовала, что щека горит, будто от мороза.

— Зачем ты позвала меня? — спросила она.

— Не я позвала, — ответила женщина. — Ты сама пришла. Ты пришла, потому что твоя мать не научила тебя бояться. Потому что ты думаешь, что можешь говорить с лесом, как с равным. А лес не терпит равных. Лес принимает только тех, кто кланяется.

Марена хотела сказать что-то резкое, но слова застряли в горле. Она смотрела на фигуру и видела, как та медленно тает, растворяется в лунном свете, оставляя только тень на

траве.

— Ты ещё придёшь, — сказала женщина, уже почти исчеза. — Ты или твоя дочь. Или её дочь. Кровь не обмануть. Мы встретимся. Только обожди.

И её не стало.

Марена стояла на опушке до рассвета. Она смотрела на лес, на деревья, на туман, который поднимался из-под корней. Она чувствовала холод, который остался на её щеке, и знала: это не конец. Это только начало.

Она вернулась домой, когда петух пропел первый раз. Мать сидела у печи и не смотрела на неё.

— Ходила? — спросила мать.

— Ходила, — ответила Марена.

Мать долго молчала. Потом встала, подошла к сундуку, достала глиняный черепок с кривым узором и протянула дочери.

— Она показывала тебе знак?

Марена посмотрела на черепок. Там был нарисован не круг и не крест — две линии, расходящиеся под углом, и третья, короткая, перечёркивающая их.

— Да, — сказала она.

Мать кивнула.

— Это дверь, — сказала она. — Её нельзя открывать. Никогда. Если ты её откроешь, она войдёт. Не в избу. Внутрь. В тебя. И тогда ты перестанешь быть собой.

— Я не открою, — сказала Марена.

Мать посмотрела на неё. В её глазах была такая печаль, что Марена отшатнулась.

— Ты уже открыла, — сказала мать. — Ты пришла, когда она позвала. Это и есть дверь.

Прошло тридцать лет.

Марена стала старой ведуньей. Она выучилась молчать, хранить тайны, обходить лес стороной. Она научила свою дочь — молодую Яру — всему, что знала. Она предупредила её: «Если услышишь имя — не оборачивайся. Если увидишь фигуру — беги. Никогда не стой на опушке в полнолуние».

Яра слушала. Яра кивала. Яра повторяла слова матери, как молитву.

Но когда Марена умерла — не от болезни, не от старости, а ушла в лес и не вернулась, — Яра поняла: мать не ушла. Мать ответила на зов. Она выполнила обещание, которое дала тридцать лет назад.

Яра выжила. Она родила дочь. Назвала её Яриной — в честь солнца, чтобы свет защищал её от тьмы.

И она тоже учила молчать. Учила бояться лес. Учила не открывать дверь.

Но когда Ярине было двенадцать, Яра тоже ушла в лес и не вернулась.

Оставила только знак на стене — тот самый, с черепка.

И деревянную куклу, которую Ярина сжимала в руках, ко-

гда поняла: мама больше не придёт.

Теперь Ярина была одна.

Она не знала всей правды. Она знала только, что лес забирает. Что есть что-то в его глубине, что ждёт. И что её мать, и её бабка — они не умерли. Они просто ушли.

И однажды, когда наступит её черед, она тоже уйдёт.

Но не сегодня.

Ярина стояла у окна, смотрела на лес, черный и молчаливый, и чувствовала в груди холод. Тот самый — от прикосновения.

И кто-то шептал в ветре:

— Обожди.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Утро»

Ярина проснулась от петуха.

Крик был резкий, горький, он разорвал тишину, как ножом по холсту. Она открыла глаза и долго смотрела в потолок — тёмные балки, паутина в углах, лунный свет, который уже бледнел, уступая рассвету. Где-то за окном хрипела телега, скрипели ворота, кто-то ругался на корову. Деревня просыпалась.

Она села на лавке, спустила ноги на земляной пол. Холодный, как всегда. Лето было тёплым, но пол в избе не прогрелся — земля держала прохладу, как колодец держит воду. Ярина привыкла. Она встала, прошла к печи, разгребла угли. Жар ещё не ушёл, в горшке на загнетке стояла вода.

Она ополоснула лицо, вытерлась рубашкой. Взглянула в плоскую с водой — своё отражение. Худая, острая, глаза слишком большие, тёмные. Материны глаза.

Она завязала волосы платком, надела кафтан, лапти. За окном уже было светло. День обещал быть погожим.

Ярина вышла на крыльцо и остановилась.

Деревня лежала перед ней, как на ладони. Дома из тёмного дерева, соломенные крыши, низкие, приземистые — не от бедности, от привычки. Так строили их прадеды, так строили отцы, так строят и теперь. Земля держит тепло, а стены — холод. Между дворами петляли тропы, утопанные до блеска, и главная дорога вела к колодцу. Оттуда уже тянулась вереница баб — с вёдрами, с коромыслами, с тихими разговорами.

Где-то за деревней чернел лес.

Ярина посмотрела туда, как делала каждое утро — машинально, привычно, как проверяют, горит ли огонь в печи. Лес стоял неподвижно. Ни ветра, ни звука. Только стена деревьев, густая, тёмная, от которой всегда тянуло холодом, даже в самый жаркий полдень.

Она отвела взгляд. Она давно научилась не смотреть на лес дольше, чем нужно.

Ярина пошла к колодцу. Её встречали кивками, тихими «здорово», редкими взглядами. Деревня знала её — дочь Яры, внучка Марены, и это было клеймо. Не позорное, нет. Но настороженное. Люди здоровались с ней, но не заговари-

вали первыми. Она была из рода ведуний, а ведуний в деревне не любили. Боялись. Уважали. Но не любили.

Ярина это знала. Она привыкла.

Она набрала воды, поставила ведро на коромысло. Уже хотела идти обратно, когда услышала голос:

— Яра!

Знакомый и тёплый. Она повернулась и улыбнулась — не сдержано, нет, она не умела сдерживаться, когда видела его.

По тропе к ней шёл Зоран. Широкий, сильный, с русыми волосами, которые вечно падали на глаза. Он был моложе её на два года, но выглядел старше — в плечах, в руках, в том, как он нёс себя. На нём была домотканая рубаха, подпоясанная шнуром, и сапоги, которые он сшил себе сам, потому что никто в деревне не умел так ладить с кожей.

Он улыбался. И Ярина почувствовала, как внутри разливается тепло — от груди до кончиков пальцев.

— Здорово, — сказала она.

— Здорово, — ответил он, останавливаясь рядом. — Ты вставала рано?

— Как всегда.

— А я не спал. — Он почесал затылок. — Ночь была странная. Месяц светил в окно, я лежал, смотрел, и всё казалось... не таким.

Она подняла бровь.

— Каким?

— Не знаю. — Он пожал плечами. — Тихим. Слишком

тихим. Будто кто-то слушал.

Ярина промолчала. Она знала это чувство — когда ночь становится слишком плотной, когда за стеной тишина, не та, что успокаивает, а та, что ждёт. Она не хотела говорить об этом. Не сейчас. Она хотела просто смотреть на него и чувствовать, что он рядом.

— Я твой кафтан починила, — сказала она вместо ответа.
— Тот, что ты порвал на охоте. Приходи вечером, заберёшь.

Зоран улыбнулся шире. У него была простая улыбка — открытая, тёплая, она начиналась в глазах и только потом переходила на губы.

— Ты всегда обо мне заботишься, — сказал он.

— Кто-то должен, — ответила она, и в голосе её не было насмешки. Только правда.

Она хотела добавить что-то ещё, но слова застряли. Вместо этого она шагнула к нему ближе и положила ладонь ему на грудь — туда, где билось сердце. Зоран накрыл её руку своей. Он ничего не сказал. Ему не нужно было.

— Я рада, что ты пришёл, — тихо сказала она.

— Я всегда приду, — ответил он.

Она убрала руку, взяла ведро с коромыслом. Зоран подхватил его, не спрашивая.

— Я донесу.

— Я сама могу, — сказала она, но без возражений.

— Знаю. — Он усмехнулся. — Но я хочу.

Они пошли к её дому — медленно, через всю деревню,

под взглядами соседей. Кто-то качал головой, кто-то улыбался, кто-то отворачивался. Ведунья и охотник — странная пара. Но Ярине было всё равно. Рядом с ним она переставала быть «дочерью Яры». Она была просто Яриной. И он был просто Зораном.

Дом Ярины стоял на краю деревни, ближе всех к лесу. Не потому, что она выбрала — так решили до неё. Дом был материн, бабкин, прабабкин. В нём жили ведуньи, и они всегда жили у края, чтобы быть первыми, кто увидит, если лес решит прийти.

Ярина вошла в избу. Зоран остановился на пороге, как всегда — ждал её приглашения. Она улыбнулась.

— Заходи.

Он шагнул внутрь, поставил ведро на лавку. Оглянулся — привычно, с любовью, как разглядывают старое дерево, на котором вырезаны инициалы.

— У тебя всё так же, — сказал он. — Как будто время не идёт.

— Время идёт, — ответила Ярина, садясь к столу. — Просто я его не пускаю.

Он сел напротив. Протянул руку через стол, и она взяла её — без стеснения, без страха. Его пальцы были шершавыми, тёплыми. Она сжала их — осторожно, как сжимают живую птицу, чтобы не повредить крылья.

— Ты вчера был в лесу? — спросила она.

— Да. Проверял ловушки.

— И что?

— Ничего. — Он сжал её пальцы в ответ. — Тишина. Даже птиц не было.

Ярина почувствовала, как внутри шевельнулся холод.

— Это плохо, — сказала она тихо.

— Я знаю. — Зоран посмотрел на неё серьёзно. — Яра... скажи мне. Ты чувствуешь его. Лес. Что там происходит?

Она молчала. Она чувствовала лес — да, сильнее, чем хотела бы. Он дышал — ровно, низко, как спящий зверь. Но последнее время этот зверь затаился. Слишком тихо. Слишком глубоко.

— Он ждёт, — сказала она наконец.

— Чего?

— Не знаю. Но я боюсь, что когда мы узнаем — будет поздно.

Она хотела убрать руку, но он не отпустил. Его глаза были тёмными, тёплыми, как смола.

— Ты боишься за меня? — спросил он.

— Боюсь, — ответила она честно. — И за себя. И за всех. Но за тебя — особенно.

Он поднёс её руку к губам и поцеловал костяшки — легко, невесомо.

— Не бойся, — сказал он. — Я буду осторожен. Обещаю.

Она хотела сказать ему, что обещания не помогут. Что лес

не слышит обещаний. Но она промолчала. Она смотрела на его лицо, на его руки, на его улыбку — и отгоняла мысли о том, что может потерять его.

— Иди, — сказала она мягко. — У тебя дела. Приходи вечером, я отдам кафтан.

Он встал, но у порога обернулся. Посмотрел на неё так, как смотрят на что-то очень важное, очень хрупкое.

— Яра. — Его голос стал тише. — Ты ведь знаешь, как я к тебе отношусь.

— Знаю, — ответила она. — И я... я тоже.

Он кивнул — коротко, со счастливыми глазами — и ушёл.

Ярина стояла у двери и смотрела ему вслед. В груди было тепло. И где-то глубоко, на самом дне — страх.

Она прогнала его. Не сейчас. Сейчас — только тепло.

День тянулся медленно.

Ярина убирала в избе, чинила рубаху, которую порвал соседский мальчишка. Она месила тесто, ставила хлеб в печь, вытирала пыль. Всё как всегда. Руки делали своё дело, а мысли блуждали.

Она вспоминала мать.

Яре было двадцать, когда Ярина родилась. Молодая, сильная, с острым взглядом и жёсткими руками, которые умели и лечить, и рубить. Она жила в этом же доме, сидела на этой же лавке, смотрела в то же окно. Ярина помнила её не лицом

— память стиралась, оставляя только запах трав и звук голоса, который пел по вечерам. Мать пела странные песни — на древнем языке, который никто уже не понимал, но который передавался от бабки к бабке, от ведуньи к ведунье. Ярина не знала слов, но запомнила звучание — тягучее, хриплое, как ветер в трубе.

Мать учила её собирать травы. Не просто сушить, а чувствовать: у каждой травы есть душа, есть память, есть голос. Крапива говорит резко, зверобой — мягко, полынь — горько. Ярина была способной ученицей. Она запоминала быстро, чувствовала остро. Мать говорила, что у неё талант.

— Ты будешь лучше меня, — сказала мать однажды.

Ярина тогда не поняла. Она спросила:

— Почему?

Мать посмотрела на неё. Глаза у неё были тёмные, бездонные, как омут.

— Потому что я боюсь, — сказала она. — А ты — нет.

Ярина хотела спросить: «Чего ты боишься?» — но мать уже ушла. Она часто уходила. В лес, в поле, к колодцу. Она возвращалась тихая, хмурая, с землёй под ногтями. Ярина не спрашивала. Она знала: мать говорит с тем, что нельзя называть вслух.

А потом мать ушла и не вернулась.

Ярина сидела на крыльце, сжимая деревянную куклу, которую мать сделала для неё из берёзы. И ждала. Ждала сутки, двое, трое. Потом перестала ждать. Она заплакала — первый

и последний раз. А потом встала, вытерла слёзы и пошла в избу. Убрала. Затопила печь. Сделала хлеб. Жизнь не остановилась, потому что кто-то ушёл. Жизнь текла дальше, как вода, как время, как лес — безразличная, тяжёлая, необходимая.

Ярина очнулась от воспоминаний, когда за окном раздался шум.

Она выглянула. По улице бежали дети. Пятеро — от мала до велика. Они кричали, махали руками, тыкали пальцами в сторону поля. Ярина вышла на крыльцо.

— Что там? — спросила она у проходящей бабки.

Та не ответила. Только перекрестилась и заспешила дальше.

Ярина нахмурилась. Она пошла через деревню, туда, где толпились люди. Уже у колодца она услышала голоса — взволнованные, испуганные, шёпотом.

— Богумила, — говорил кто-то. — Там, в поле, сидит. И не дышит.

— Кто нашёл?

— Дети. Они бегали, увидели. Подумали, она спит. А она...

Ярина ускорила шаг.

Она вышла на поле, и сердце её ёкнуло.

Богумила сидела на пне у самой кромки леса. Руки сложены на коленях, голова опущена, как будто она молится. Со спины — старуха как старуха. Но когда Ярина обошла её и

увидела лицо, она поняла: всё кончено.

Глаза Богумилы были открыты. И пусты. Белые, мутные, как у рыбы, которая лежит на солнце уже второй день.

Ярина замерла. Холод пополз по спине — не от ветра, от другого. Она смотрела в эти глаза и чувствовала, как внутри что-то обрывается. Она не видела такого раньше. Но знала — по рассказам матери, по снам, которые снились ей с детства.

Она опустилась на колени перед телом. Заглянула в лицо. Богумила была старой, сморщенной, как печёное яблоко. Но на лице её застыла улыбка — спокойная, почти счастливая.

Ярина перевела взгляд на её руки. Сложены вместе, как на молитве. И между пальцами — что-то влажное, зелёное.

Она разжала пальцы мёртвой старухи.

В ладони лежал мокрый лист. Обычный, берёзовый, ещё свежий, как будто сорвали только что.

Ярина подняла его. Внутри, под ложечкой, разрастался холод.

— Обожди, — прошептал кто-то рядом.

Она резко обернулась. Никого. Люди стояли в отдалении, боялись подойти. Только дети — те, что первые нашли тело, — смотрели куда-то в сторону леса. Их глаза были расширены, но не от страха. От интереса.

Они видели то, чего не видели взрослые.

— Что? — спросила Ярина у самого младшего мальчика.

— Что ты видишь?

Мальчик молчал. Он показывал пальцем вглубь леса, ту-

да, где между стволами вился туман.

— Там, — сказал он тихо. — Она стоит. Она смотрит.

Ярина подняла голову. В просвете между деревьями колыхнулся туман — плотный, белый, как молоко. И в нём — тень. Высокая, тонкая, с руками до земли.

А потом туман рассеялся.

И тени не стало.

Ярина сжала лист в кулаке. Она знала: это начало.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Память»

Богумилу хоронили на третий день, как и велит обычай. Три дня душа прощается с телом, три дня она бродит рядом, три дня решает: уйти или остаться. Если похоронить раньше — душа не успеет попрощаться и будет мучиться. Если позже — тело начнёт помнить землю и не захочет отпускать.

Ярина стояла у края толпы и смотрела.

Обряд был долгим. Сначала тело обмывали, но не просто водой — настоем полыни и зверобоя, чтобы злые духи не пристали к душе на пути. Пока Богумилу обмывали, рядом сидела женщина с чашей воды — на случай, если душа решит умыться в последний миг перед уходом. Ярина видела, как та сжимает чашу побелевшими пальцами.

Потом Богумилу одели в чистое, белое, домотканое — то, в чём она должна была предстать перед предками. Платье было праздничным, с вышивкой по подолу, которое она берегла для больших дней. Теперь оно стало её последним на-

рядом.

Тело положили на лавку лицом к востоку — чтобы душа видела, куда идти. Руки сложили на груди, прикрыли белой холстиной. В головах, в красном углу, где стояли божки, зажгли свечи. Женщины принялись причитать — не плакать, а петь. Их голоса звучали высоко и тонко, как ветер в сухой траве. То были обрядовые песни, которые помогали душе найти дорогу в мир иной. Ярина знала их с детства. Она не пела — она слушала.

Староста читал слова — древние, тягучие, которые никто уже не понимал до конца. Но все молчали. Даже дети. Даже те, кто всегда шумел.

Зеркальные поверхности в доме — шлифованную медь и полированное дерево — укрыли тканью. Чтобы никто не увидел своего отражения и не привлёк к себе взгляд уходящей души. Ярина заметила, как соседка торопливо накинула платок на блестящую пряжку пояса.

Ярина смотрела на лицо Богумилы — теперь оно было спокойным, почти молодым. Смерть сгладила морщины, стёрла горечь, оставила только тишину. Белые глаза закрыли — на них положили медные монеты, чтобы душа могла заплатить за переправу через реку Смородину. Ту самую, что отделяет мир живых от мира мёртвых.

Потом тело понесли к погосту — к опушке, где старые могилы прятались в траве. Ярина пошла следом. Все шли. От мала до велика. Даже те, кто боялся леса, шли — потому

что так надо. Так заведено. Так было всегда.

Зоран шёл рядом. Он молчал, но его плечо касалось её плеча, и этого было достаточно. Она чувствовала его тепло, его дыхание, его присутствие. Он был здесь. С ней. И это держало её на земле.

На погосте было тихо. Старые курганы, заросшие травой, покосившиеся деревянные столбы, которые никто не поправлял. Говорили, что здесь лежат предки, те, кто знал правду, но унёс её с собой. Ярина смотрела на курганы и думала: «Сколько из них умерли так же, как Богумила? Сколько видели то же самое?»

Тело опустили в землю — не в гроб, а просто в яму, как делали издавна. Рядом положили её любимый глиняный горшок, деревянную ложку и узелок с сухими травами — всё, что могло пригодиться в ином мире. Кто-то из женщин бросил в могилу горсть зерна — чтобы душа не голодала в пути.

Потом каждый подошёл и бросил горсть земли. Кто-то заплакал, кто-то перекрестился, кто-то просто стоял и смотрел. Ярина не плакала. Она смотрела на лицо Богумилы в последний раз, пока земля не закрыла его навсегда.

Когда курган насыпали, староста объявил тризну. Все развернулись и пошли к деревне, где уже были накрыты столы. Начинался поминальный пир — не грустный, а шумный и весёлый. Так было заведено: не горевать, а праздновать переход души в мир предков. Ярина знала, что Богумила была бы рада. Но сама она не могла веселиться.

Зоран взял её за руку. Его пальцы были тёплыми, крепкими.

— Ты как? — спросил он тихо.

— Не знаю, — ответила она. — Ещё не поняла.

Они стояли молча, пока толпа не начала расходиться. Люди уходили к деревне, не оглядываясь. Нельзя оглядываться на погосте — позовут. Ярина знала это правило. Но она всё равно оглянулась. На мгновение, краем глаза.

И увидела — среди могил, у самого леса, тень. Высокую, тонкую, с руками до земли.

Она моргнула. Тень исчезла.

— Что? — Зоран проследил за её взглядом.

— Ничего. — Она сжала его руку. — Пойдём.

Они не пошли на тризну. Ярина повернула к избе Богумилы.

Та стояла на отшибе, почти у самого леса — ещё ближе к опушке, чем дом Ярины. Старая, покосившаяся, с соломенной крышей, которая давно прохудилась. Дверь была не заперта — в деревне не запирали двери, потому что брать чужое грех. Но входить в дом мёртвой ведуньи боялись все.

Ярина не боялась.

Она толкнула дверь. Та со скрипом открылась, и на неё пахнуло — сухими травами, пылью, старым деревом и чем-то ещё. Чем-то горьким, острым, как полынь на зубах.

Зоран зашёл следом. Он ничего не сказал, но Ярина видела, как он нахмурился. Ему здесь не нравилось. Но он остался.

Изба Богумилы была меньше Яриной, но уютнее. Всё стояло на своих местах — печь, лавки, сундук, полки с горшками. На стенах висели связки трав — сухие, но всё ещё пахнущие. Ярина прошла к столу. Там лежала миска с недоеденной кашей, деревянная ложка, кусок хлеба. Богумила ела утром в день своей смерти.

Ярина провела пальцем по столу. Пыль. Но не везде — там, где лежали руки, пыль была стёрта. Богумила сидела здесь, перед смертью, и что-то делала.

Ярина оглянулась. В углу стоял сундук — тяжёлый, окованный железом. Она подошла, подняла крышку. Внутри — одежда, шкуры, старые платки. И на самом дне — свёрток бересты.

Она вытащила его. Береста была тёмной, старой, края обгорели. Ярина развернула — и замерла.

Внутри было несколько пластин. На каждой — рисунки и знаки. Кривые линии, круги, пересекающиеся чёрточки. И среди них — тот самый знак, который она видела на черепке матери: две линии, расходящиеся под углом, и третья, короткая, перечёркивающая их.

Ярина провела пальцем по бересте. Она знала эти знаки. Мать учила её некоторым — не для чтения, а для памяти. Чтобы запомнить важное. Чтобы передать тем, кто умеет ви-

деть.

— Что это? — спросил Зоран, подходя ближе.

— Память, — сказала Ярина. — Это не письмо — это знаки. Она оставила их, чтобы мы поняли.

Она перебирала пластины. На одной — фигура человека, перечёркнутого линией. Рядом — лес. На другой — круг, разделённый на части, и в каждой — точка. На третьей — тот самый знак двери, а под ним — ещё один символ. Маленькая ветка с тремя листьями.

— Я знаю это, — сказала она тихо. — Это она. То, что в лесу. Её знак.

— Откуда ты знаешь?

— Мать показывала мне. — Ярина подняла глаза. — Когда я была маленькой. Она брала такие же пластины и водила моим пальцем по линиям. Говорила: «Это ты запомни. Это — дверь. Это — не открывай. Это — имя».

— У неё есть имя? — удивился Зоран.

— Не имя, — покачала головой Ярина. — Знак. Настоящее имя нельзя говорить вслух. Оно призывает. Но знак — можно. Он узнаётся.

Она взяла пластину с кругом и точками.

— Это люди, — сказала она, проводя пальцем по точкам. — Каждая точка — человек. А здесь... — она перевернула пластину, — здесь они перечёркнуты. Это те, кто ушёл.

— Ушёл куда?

— В лес. — Ярина подняла другую пластину. На ней было

нарисовано дерево с корнями, уходящими вглубь, и под корнями — фигура. — Посмотри. Она под землёй. Она не сверху, она снизу. Она всегда была здесь. Просто мы не видели.

Зоран смотрел на рисунки. Он не понимал их так, как Ярина — он не был обучен, — но чувствовал тревогу.

— Она приходила к Богумиле, — сказал он. — Дети видели.

— Да. — Ярина отложила пластины. — И Богумила знала, что умрёт. Она ждала этого. Она оставила нам эти знаки, чтобы мы поняли.

— Поняли что?

Ярина посмотрела в окно. За ним чернел лес. Тихий, неподвижный, ждущий.

— Что она не ушла, — сказала Ярина. — Она здесь. Она всегда была здесь. И она хочет, чтобы мы вспомнили.

Они вышли из дома Богумилы, когда солнце уже клонилось к закату. Деревня готовилась к ночи — загоняли скотину, закрывали ставни, гасили огни. Ярина шла молча, прижимая свёрток бересты к груди. Зоран шёл рядом.

— Я боюсь, — сказала она тихо.

Он остановился. Повернулся к ней, взял за плечи.

— Ты никогда не боишься, — сказал он.

— Боюсь, — повторила она. — Но не за себя. За тебя. За всех. Она приходит через дверь. А дверь — это человек. Что

если она уже открыла кого-то? Что если она уже здесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.